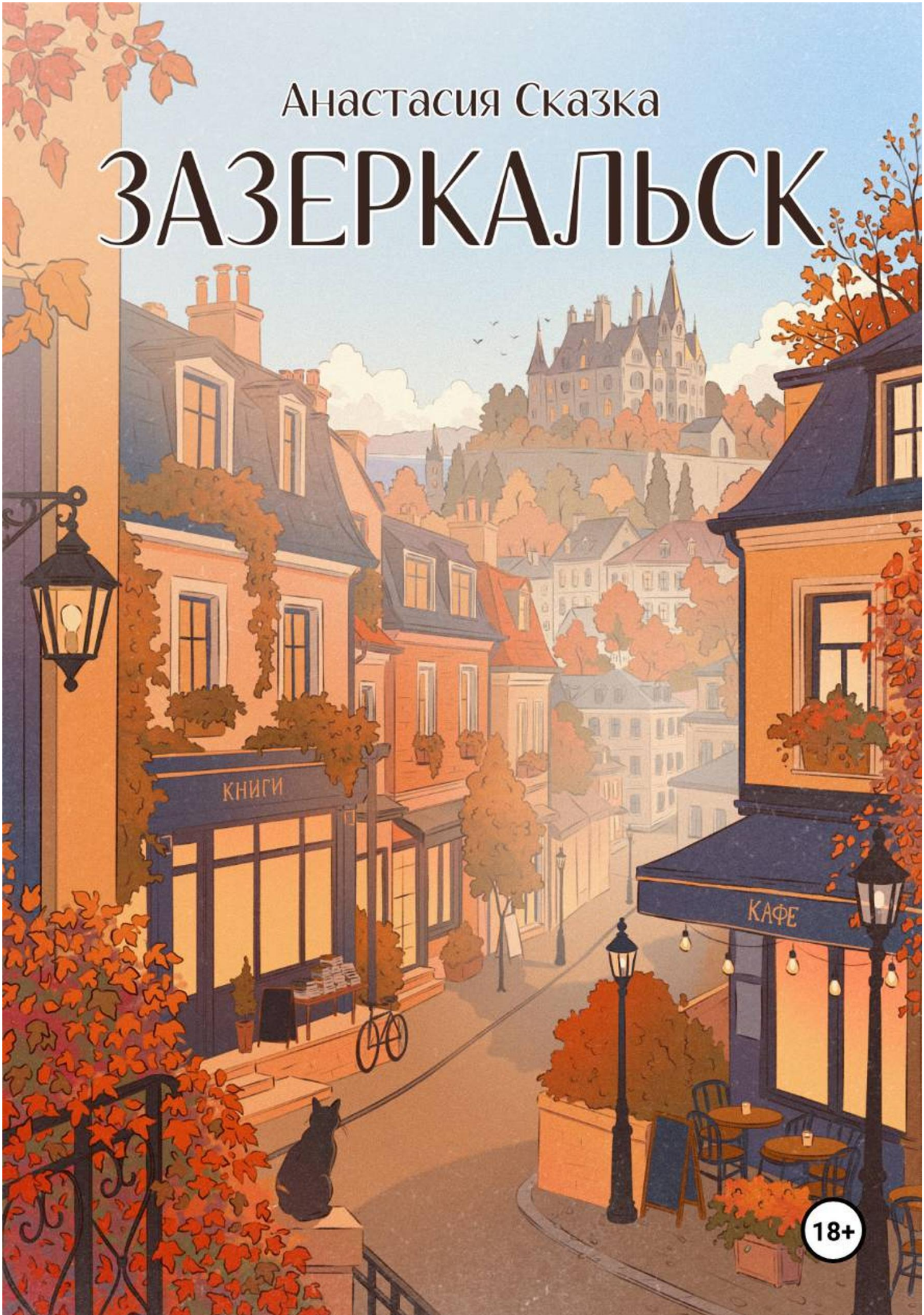
Анастасия Сказка

ЗАЗЕРКАЛЬСК



Анастасия Сказка

Зазеркальск

«Автор»
2026

Сказка А.

Зазеркальск / А. Сказка — «Автор», 2026

Иногда, чтобы обрести себя, нужно уехать на край света и начать всё с чистого листа. Именно так решает поступить молодая архитектор, принимая заказ на реставрацию старинного особняка в провинциальном городке под названием Зазеркальск. Она прощается с прошлым и даже не подозревает, что этот уютный, будто застывший во времени город разделит её жизнь на до и после.Здесь всё оказывается не таким, как казалось: соседи — с характерами и секретами, улицы по вечерам окутывает мистика, а в воздухе витает что-то неуловимое, давно забытое. И даже загадочный хозяин особняка, появляющийся лишь с заходом солнца, — только часть большой тайны, которую бережно хранит Зазеркальск. По мере того как старинные комнаты наполняются светом, в душе героини пробуждается чужая, но до боли знакомая память. Она приехала реставрировать чужой дом. Но, похоже, город привёл её сюда не случайно.

© Сказка А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

8 ОКТЯБРЯ 5
9 ОКТЯБРЯ 9
10 ОКТЯБРЯ 15
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Анастасия Сказка Зазеркальск

8 ОКТЯБРЯ

Решила завести дневник.

В юности я уже пыталась вести дневники, но каждый раз бросала: это казалось унылой и бессмысленной тратой времени. Я не понимала: зачем это было нужно, если я всё равно перечитывать не буду. И вот, спустя годы, я опять решилась завести дневник. Но сейчас — с особой целью. Последние два месяца превратились в череду не очень приятных событий, о которых мне ни с кем делиться не хотелось, а высказаться всё же была потребность.

Начну с сегодняшнего дня, лишь вскользь коснувшись того, что привело меня сюда. Пусть нескладно, сумбурно и слишком кратко — как умею.

Вчера я переехала из родного мегаполиса в своё новое пристанище — городок под названием Зазеркальск. Город тихий, внешне уютный, чистый, улицы неширокие, но все засажены клумбами и деревьями, которые сейчас активно окрашиваются в осеннее золото.

Дома выше пяти этажей я здесь пока не встретила, а большая часть города и вовсе рассыпается на тихий частный сектор.

Я поселилась в трёхэтажном многоквартирном доме в центре города, третий этаж которого был занят мансардой, где и находилась моя квартира.

Чувствую себя здесь перелётной птицей, а точнее — голубем на чердаке, но для начала это пристанище вполне себе удобное. Но у меня и выбора особого не было: аренда здесь редкость, да и вообще в интернете я не смогла найти вариантов аренды именно в этом городе, а уже на месте, через местную газету, узнала о нескольких вариантах и остановилась на этом.

Сорвалась я на чистом импульсе.

Минувшее лето вывернуло меня наизнанку. Мучительный финал многолетнего брака грянул одновременно с лавиной заказов, выжавших меня досуха. По дурной привычке я набрала проектов куда больше, чем могла унести на собственных плечах, и в какой-то момент просто пошла ко дну. Истощив себя бесконечной рутиной за гроши, я с яростной горечью зареклась вообще прикасаться к творчеству — до того тошнотворной казалась мысль снова продавать себя по кускам.

Хорошо, что я работаю сама на себя — не пришлось объяснять начальству, почему вдруг пропала на неделю и не отвечала на звонки. Но именно эта свобода и обернулась одиночеством: никто не спросил, как я, никто не подставил плеча, пока мир вокруг рушится в прах.

Всё навалилось на мои плечи одним огромным снежным комом.

И только когда я смогла поставить точки во всех своих делах — закрыть контракты, получить всю оплату за свой труд и со свеже напечатанным свидетельством о разводе в кармане — я, на грани нервного срыва, решила сделать перерыв.

И именно в этот момент, когда я думала, что больше никогда не смогу смотреть на чертежи и эскизы, впадая в уныние от одной только мысли о работе, мне на электронную почту поступил заказ.

Письмо пришло ранним утром, когда я сидела на кухне с остывшим чаем и листала в телефоне чужие проекты — не из интереса, а как бы в поисках доказательства, что всё, что я делаю, уже сделано кем-то лучше. Тема письма была лаконичной: «Особняк в Зазеркальске».

Я чуть не удалила письмо, раздражённая одной только мыслью о том, что мне придётся делать очередной заказ, высасывающий мои силы. Но всё же я его открыла.

Экран развернул белое поле письма. И в ту же секунду всё внутри замерло: закрыть его я уже не смогла.

В графе отправителя значилось имя, которое само по себе звучало как отрывок из старинной хроники или выцветшего европейского романа: Леон де Зварт. Непривычное для слуха иностранное имя, которое насторожило меня или заинтересовало — я так и не разобралась.

Писал он по-деловому, очень чётко и понятно: в моей голове сразу появилось представление о том, о чём идёт речь, и почти не возникло дополнительных вопросов.

Он написал, что унаследовал старинный особняк в Зазеркальске. Здание XIX века, добротное, прослужит ещё не одно столетие, но всё же не пригодное на данный момент для жизни. Поэтому ему требуется помощь реставратора — привести его новое старое жилище в приглядное состояние.

Де Зварт изучил моё портфолио и уверял, что именно мой подход к архитектуре и реставрации идеально рифмуется с духом этого места. Но была одна деталь, перечёркивавшая весь мой привычный график: ни один местный специалист не брался вести техническую часть дистанционно, поэтому Леон просил личного присутствия.

Это не выглядело обычной консультацией. Это было либо долгой, изматывающей командировкой, либо полным переездом в неизвестность.

В родном городе после развода я переехала на очередную съёмную квартиру, прожила в ней недолго, и прощаться с ней было не жалко. Но всё же, здесь живут мои друзья и родные люди, к которым я могу в любое время обратиться за помощью и поддержкой.

В незнакомом городе, вдали от близких, где нет ни друзей, ни знакомых, я буду совсем одна. Я буду строить свою жизнь с нуля. Лишь мой профессиональный опыт и знания архитектуры будут моим багажом.

Весь день мысли ходили по кругу, и даже ночью я не могла заснуть, думая об этом письме. Я не решалась ответить, но и удалить письмо рука не поднималась. Оно выглядело как посадочный билет на рейс в неизвестность: пугало до дрожи и одновременно отчаянно манило шансом начать новую жизнь.

Утром, с тяжёлой от сомнений головой, я снова открыла почту. Перечитала письмо раз десять, построчно выискивая скрытые ловушки. Не найдя ни единого повода для тревоги, я словно в полусне напечатала:

«Здравствуйте, Леон. Мне интересно ваше предложение».

Дальше последовали технические вопросы, расспросы о конструктиве и деталях реставрации. Его ответы приходили обстоятельными, выверенными и спокойными — с каждой новой строчкой внутреннее сопротивление таяло, уступая место безоговорочному доверию.

Так я согласилась на этот переезд.

Но не всё было гладко.

Первая странность дала о себе знать ещё во время сборов. Я вбила «Зазеркальск» в поисковую строку браузера — и экран ответил мне звенящей пустотой. Ни геометок, ни старых фотографий, ни даже мутных спутниковых снимков. Казалось, этого места попросту никогда не существовало на Земле. Я пыталась убедить себя, что перепутала буквы или город давно заброшен, но спустя мгновение на одном из картографических сервисов он вдруг возник из ниоткуда. Я увидела провинциальный город с множеством улочек, магазинов, поликлиник и маркетплейсов. Списав это на технический сбой или обновление баз данных, я просто отмахнулась от непонятной странности с картами.

Распрощавшись с прошлой жизнью, я села в свой старенький серебристый Hyundai i10 и выехала навстречу неизвестности, однако навигатор вёл себя ненормально: маршрут то и дело сбрасывался, а стрелка металась по пустому экрану. Вскоре я безнадёжно заблудилась посреди глухого, пылающего золотом и багрянцем осеннего леса. Вокруг царила кинематографичная красота, в которой не было места человеку: связь пропала намертво, встречных машин

не встречалось часами, а солнце медленно клонилось к закату. Я продолжала жать на газ наугад, высматривая хоть какой-то указатель в мелькающих за стеклом ветвях, пока дорога внезапно не уперлась прямо во въезд Зазеркальска.

В этот же вечер нашла квартиру и познакомилась с её хозяйкой дома — сухонькая, седая женщина с первого этажа встретила меня обезоруживающе тепло и представилась Ангелиной Петровной. Она оказалась удивительно приветливой, рассказала, что мансарда пустовала много лет и, видимо, «ждала именно меня».

Сегодня весь день я приводила свою небольшую квартиру в порядок — крошечную студию, в которой с удивительной точностью поместилось всё самое необходимое для жизни.

Пока не знаю, как относиться к окну прямо в потолке над моей кроватью — выглядит это, с одной стороны, креативно, у стены даже прибиты ступеньки импровизированной лестницы, ведущей к самому потолку. Подозреваю, что через него можно вылезти на крышу, хотя проверять эту догадку я пока не рискнула. Но с другой стороны, это окно не совсем практично: ни штор, ни жалюзи тут нет, и по ночам луна заливает комнату таким пронзительным светом, не давая спокойно спать. Мысль о безопасности тоже тревожно маячит где-то на периферии сознания, но я решила подумать об этом позже.

Приятным сюрпризом оказалась парковка во дворе — просторная и полупустая. Мой скромный Hyundai припарковался там с королевским комфортом.

А вот с цивилизацией возникли сложности: привычных сетевых супермаркетов в округе днём с огнём не сыскать. Зато каким-то неведомым чудом сюда дотянулись фиолетовые щупальца «Вайлдберриз» — кажется, если человечество колонизирует Луну, их пункт выдачи откроется в первом же кратере.

Сам городок надёжно укрыт в стороне от главной трассы, и случайный путник сюда попросту не забредёт. Тем удивительнее было обнаружить среди сонных улиц потрёпанную временем двухэтажную гостиницу: резные деревянные наличники, балкон с чугунными коваными завитками и налёт лёгкой винтажной мистики. Работает ли она до сих пор или просто доживает свой век — неизвестно.

В итоге за провизией решила отправиться на следующий день на местный центральный рынок. С самого детства терпеть не могу рыночную суету, торги и пристальные взгляды продавцов — я из тех людей, кто искренне боготворит безмолвные супермаркеты и кассы самообслуживания. Но здесь о технологиях безлюдной торговли, похоже, даже не слышали, так что придётся погружаться в колорит живого общения.

Поэтому вечером, посетив ближайший продуктовый магазин, чтобы купить что-нибудь для ужина и завтрашнего завтрака, разобрав вещи и наведя порядок, я наконец выдохнула и решила выбраться в город — разведать район, ставший моим новым домом.

Он очаровал меня с первых же минут. Узкие, петляющие улочки делились на прошлое и настоящее: под одними фонарями блестела щербатая старая брусчатка, под другими — аккуратная современная плитка. Первые этажи невысоких отштукатуренных домов манили витринами маленьких лавок, магазинчиков и кофеен, сквозь открытые окна которых струился запах корицы и свежего хлеба, а этажами выше были жилые квартиры.

На улице давно стемнело, в октябре темнеет рано, но от этого город казался ещё волшебнее — тёплый свет фонарей превращал квартал в декорацию к фильму об уютном европейском курорте. Мне и вовсе начало казаться, что я приехала сюда в отпуск, а не жить на постоянной основе.

Свежий осенний холод и долгая ходьба сделали свое дело: вернувшись в квартиру совершенно обессиленной, я успела лишь встать под обжигающие струи душа и добраться до кровати. На новом месте мне всегда спится тревожно, но в этот раз я провалилась в темноту без сновидений в ту же секунду, едва голова коснулась подушки.

Но ночью меня что-то разбудило.

Я разлепила сонные глаза. Спальня была погружена в яркий холодный свет Луны. «Завтра же куплю жалюзи», — лениво скользнула привычная мысль. Я уже собиралась натянуть одеяло до ушей и перевернуться на другой бок, как на светлой стене напротив что-то шевельнулось.

Длинная, ломаная тень медленно ползла по обоям.

Сердце пропустило удар и заколотилось где-то в горле. Стараясь не выдать себя ни единым резким звуком, я медленно повернула голову к окну, расположенному прямо надо мной.

То, что я увидела, погрузило меня в немой ужас, крик застрял в лёгких. По ту сторону стекла, обрамлённый мертвенным сиянием луны, отчётливо вырисовывался силуэт чужой головы. А прямо на меня, не мигая, смотрели две тлеющие точки багровых глаз.

Но стоило мне заметить того, кто тайно подглядывал за мной, тёмный силуэт тут же пропал, оставив после себя лишь глухой стук моего бешеного пульса.

Сон смыло ледяной волной адреналина. Тело намертво пригвоздило к матрасу: я боялась даже вдохнуть, словно малейший шорох мог вернуть ночного гостя назад. Не моргая, я сверлила взглядом пустое стекло, где ещё секунду назад горели два красных глаза. Время тянулось густой патокой. Постепенно зрение сфокусировалось на глубине ночного неба — чистого, усыпанного далёкими звёздами. За окном не было ни движения, ни звука. Только давящая, звенящая тишина чужой квартиры.

Когда пульс в висках перестал оглушительно стучать, включился запоздалый спасительный скепсис и логическое объяснение. Конечно же, это просто игра усталого воображения, это была всего лишь бродячая кошка: в темноте их глаза отсвечивают фосфорическим блеском, а крыши старых кварталов — их законная территория. Наверняка какая-нибудь любопытная морда только что заглянула в моё окно, перепугав меня до чёртиков.

Ухватившись за эту мысль, я нервно выдохнула и тихо усмехнулась собственной трусливости: спросонья в незнакомом месте и ветка дерева монстром покажется. Натянув одеяло повыше, я прикрыла веки и позволила тяжёлой дремоте снова утянуть меня в мир снов.

9 ОКТЯБРЯ

Мой первый рабочий день должен был пройти спокойно, но в итоге оставил больше вопросов, чем ответов. Я успела изучить новый объект, мельком взглянуть на город и даже оценить его суровую красоту. Но всё пошло не по плану с самого утра.

Рассвет выдался ясным и обманчиво безмятежным. Заставить себя позавтракать я так и не смогла — внутри всё сжималось от липкой тревоги перед неизвестностью. Ограничившись кружкой обжигающего, чересчур крепкого чая, я бросила ключи в карман, завела свой невзрачный серебристый Hyundai и двинулась в путь.

И тут начались первые испытания.

Едва сев за руль, я поняла: навигатор отказался работать. Я скачала несколько аналогов карт, но ни одно из приложений не узнавало Зазеркальск — будто город стёрли с цифровых карт. Пришлось искать газетный киоск и покупать бумажную карту. На миг накрыло щемящей ностальгией — ровно так, много лет назад, с ворохом шуршащих карт и пересадками на автобусах, я делала свои первые шаги в профессии.

Отыскав нужный поворот, я быстро оставила жилые кварталы позади и свернула к окраине, которая выглядела совершенно вымершей. Вокруг сомкнулся древний, непроглядный бор, хранивший первобытную тишину. Дорога петляла между вековыми стволами, напоминая гигантского серого питона, задремавшего в лесной подстилке.

Ни встречных машин, ни случайных прохожих. Спросить дорогу было не у кого.

Зато виды… Боже, какие здесь виды! Осень подожгла чащу: кроны полыхали чистым золотом, медью и глубоким багрянцем, сквозь которые отчаянно пробивалась последняя зелень. Казалось, я еду не по дороге, а сквозь живую открытку с Pinterest.

И всё же тревога шевелилась внутри. Стоило мысли «а вдруг я заблудилась?» набрать силу, как над верхушками сосен блеснул шпиль. Высокая, изломанная кровля с острыми башенками и флюгерами гордо возвышалась над кронами, словно корона спящего великана.

Дорога оборвалась у глухого тупика перед монументальными коваными воротами. Чугунные завитки заросли диким плющом и паутиной, намертво храня тайны усадьбы.

Припарковав машину, я столкнулась со второй трудностью: и ворота, и калитка были заперты. Вокруг — ни души. Номер, который прислал Леон де Зварт, молчал. Я стояла одна, в непонятном месте, с нарастающим чувством абсурда. Мелькнула мысль: а вдруг меня разыграли? Вдруг это розыгрыш, а я зря бросила всё и уехала в никуда?

Но крыша… та самая крыша, что мелькнула вдали, была слишком узнаваемой. И слишком похожей на ту, что я видела на фото в письме.

Набравшись наглости и, честно говоря, отчаяния, я перелезла через забор, воспользовавшись старым клёном, растущим рядом. В голове пульсировала единственная мысль — лишь бы с той стороны не дежурили голодные сторожевые псы. Или кто-то пострашнее.

По дорожке, усыпанной хрустящими осенними листьями, я подошла к дому.

Он показался не сразу. Пройдя сквозь заросшую старыми клёнами и дубами алею, я вдруг резко остановилась и замерла от увиденного.

Особняк возвышался прямо передо мной — колоссальный, сумрачный, пугающе грациозный. Диковинный гибрид поздней неоготики и капризного провинциального барокко, порождение фантазии зодчего конца позапрошлого века. Фасад, когда-то молочно-белый, выцвел под натиском дождей до благородного оттенка грозового неба, но время оказалось бессильно перед его строгой геометрией. Резные наличники напоминали застывшее каменное кружево, а в глубоких эркерах теплились витражи: паутина трещин не мешала им ловить косые осенние лучи и преломлять их в густые рубиновые и янтарные блики.

Крыша поражала размахом. Ломаная, многоскатная, усеянная хищными угловыми башенками, она венчалась тонким центральным шпилем, словно протыкающим хмурое небо на манер громоотвода. Местами осыпавшаяся чешуя черепицы обнажила чёрные рёбра стропил, но костяк дома оставался несокрушимым. Это исполинское сооружение презирало тлен и даже не думало сдаваться вечности.

Вокруг замер одичавший парк: могучие кряжистые дубы сцепились кронами, сорные кустарники поглотили дорожки, а ковёр из палой листвы мягко гасил каждый шорох. Пахло терпкой древесной прелью, влажным мхом и тем едва уловимым склепом прошлого, в котором земля годами консервирует память об ушедших поколениях.

Здесь не было убожества заброшенности. Дом не умирал и не гнил. Он выжидал. Затаился, как спящий зверь перед броском.

С трудом заставив себя оторвать взгляд от тёмных провалов окон, я сделала шаг вперёд и поднялась по выщербленным каменным ступеням крыльца. В этой нише воздух мгновенно изменился, сделавшись густым, холодным, пропитанным тяжёлой могильной тишиной. Массивные дубовые двери с чугунными коваными ручками в виде фамильных печатей надёжно берегли то, что скрывалось за ними.

Собравшись с духом, я постучала. Сперва несмело, касаясь дерева костяшками пальцев, а затем сильнее и требовательнее, надеясь разорвать этот морок и заставить задремавшее здание отозваться.

В ответ на мой стук дом отозвался лишь глухим эхом, будто поглотив звук без остатка. Но вскоре из глубины холла донеслись мягкие, размеренные шаги. Щёлкнул замок, и тяжёлая створка плавно отворилась внутрь.

На пороге стояла женщина лет сорока — безупречно прямая, подтянутая, в строгом графитовом брючном костюме, который словно спорил с вековой пылью особняка. Светлые волосы были уложены в гладкий узел на затылке, на переносице поблёскивала тонкая металлическая оправа очков, а цепкий, оценивающий взгляд моментально сканировал меня с головы до ног, оставаясь при этом вежливо-спокойным.

— Здравствуйте! Вы, видимо, Алиса? — уточнила она, выходя ко мне на крыльцо.

— Да, Алиса Ясенева, — кивнула я, стараясь вернуть голосу профессиональную уверенность.

— Меня зовут София Александровна. Я ассистент господина де Зварта. Я введу вас в курс дел и передам пакет предварительных документов.

София Александровна показалась мне весьма вежливой и учтивой. Даже когда я объяснила, что не могла дозвониться и проникла на территорию особняка… скажем так, нестандартным способом, — она лишь слегка покраснела, извинилась за этот конфуз и заверила, что подобного больше не повторится. По её словам, в Зазеркальске действительно случаются сбои в сети, а навигаторы часто теряют локацию, сбивая путников с пути.

Сам таинственный владелец поместья, по её словам, должен был появиться ближе к вечеру. Но я планировала расправиться с осмотром ещё до обеда.

София Александровна провела меня по всему дому, показала большую часть комнат и подробно рассказала о планах реставрации, а также о сути нашего заказа. О сроках и смете я сказала, что сообщу после обмеров и расчётов, к которым приступлю завтра.

Здание в целом не находилось в аварийном состоянии — по нему можно было передвигаться вполне безопасно, не боясь провалиться сквозь прогнивший пол. Внутреннее и внешнее состояние особняка было удовлетворительным, хотя и далеко от идеального. Это была моя первая оценка, а более глубокое резюме я составлю завтра.

Моё личное ощущение от этого места оказалось неоднозначным. Меня переполнял почти детский восторг от всей этой нетронутой современностью старины. Дом будто переносил меня во времени: я с удовольствием касалась каменных стен, вдыхала запах пыли и с любопытством

разглядывала старинные обои. Особенно поразило наличие в некоторых комнатах остатков мебели и декора — массивные комоды, кресла с облупившейся обивкой, даже фарфор на полках. По словам ассистентки, в этом особняке никто не жил более восьмидесяти лет, а интерьер не меняли со времён постройки — а зданию, как оказалось, уже 145 лет. Это место пережило немало событий: революции, войны и смена эпох прошумели мимо, так и не смыв его в небытие благодаря глухому лесу и забытым дорогам. И вот теперь новый хозяин намеревался пробудить этого спящего исполина.

Хозяин особняка так и не приехал, хотя и до вечера было ещё очень далеко. Но прежде чем вернуться к машине, София Александровна предложила осмотреть сад и двор. Мы вышли через чугунную дверь на заднем фасаде, и передо мной открылось зрелище, от которого захватило дух.

За домом простирался обширный парк — не ухоженный, но и не совсем запущенный. Словно природа здесь давно пришла к миру с человеком: вековые вязы и клёны вольно расправили кроны, но не посмели перешагнуть невидимые границы; изумрудный мох и низкая трава заткали дорожки плотным бархатом, заглушавшим наши шаги лучше любого ковра. А вдоль старых бордюров бунтовали одичавшие розовые кусты. Вопреки осенней стыни, они упрямо держали редкие, тяжёлые бутоны цвета запёкшейся крови — терпкий аромат их увядания пробивался сквозь запах влажной земли.

В сердце сада дремала ажурная кованая беседка. Её белая краска давно пошла паутиной трещин и сошла чешуйками, обнажив тёмный металл, а под её навесом, казалось, всё ещё витали отголоски прошлых разговоров.

Взгляд скользнул дальше, к густой кромке леса, где сквозь переплетение ветвей проступал грандиозный призрак прошлого: скелет старинной оранжереи. Её стрельчатый кованый каркас напоминал хребет доисторического исполина, уснувшего в зарослях. Осколки витражей, чудом уцелевшие кое-где под самой крышей, ловили косые лучи заката и бросали в чащу кроваво-рубиновые и сапфировые искры. Воздух здесь был иным — прохладнее, насыщеннее, с лёгкой горчинкой прелой листвы и чего-то древнего.

А во дворе, прямо перед фасадом, стоял фонтан. Из его потрескавшегося жерла давно ушла вода, чашу выстлал мягкий изумрудный лишайник, но былое величие не потускнело. Три грациозные каменные нимфы, склонив точёные головы в вечной печали, бережно прижимали к груди пустые чаши, будто ждали, когда им снова позволят лить воду.

— Господин де Зварт хочет восстановить всё это, — тихо сказала София Александровна, — но не как музейные экспонаты. А как живое пространство. Чтобы здесь снова пахло цветами, чтобы по аллеям ходили люди… чтобы дом снова дышал.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. В этот момент я впервые по-настоящему поняла: это был не просто очередной проект с бесконечными сметами и чертежами, а спящий шедевр, к которому мне чудом позволили прикоснуться.

Но было у меня и другое, не поддающееся объяснению ощущение. Когда я находилась среди этих древних стен, мне казалось, что помимо нас с Софией в доме присутствует ещё кто-то. Кто-то невидимый. От этого немого присутствия волоски на руках вставали дыбом. Я упрямо одёргивала себя: глупости, разыгралась фантазия, слишком много готических романов и мрачной эстетики для одного утра. Но липкий холодок не отпускал до тех самых пор, пока за спиной не захлопнулась тяжёлая чугунная дверь.

Попрощавшись с Софией Александровной, я повернула ключ в замке зажигания и двинулась в обратный путь.

Обратная дорога пролетела на удивление гладко — ни путаницы в навигаторе, ни сонных лесных ловушек.

Пообедав, решила немного прогуляться по центру города и изучить местность. Казалось бы, после затерянного в веках особняка меня уже трудно было чем-то поразить, но мой собственный новый район приготовил свой сюрприз.

Мой квартал оказался воплощением мечты, будто бы сошедшей со старой европейской открытки: узкие, залитые мягким дневным светом улочки вились лентами под ногами, вымощенные потрёпанной, добротной плиткой. По обе стороны теснились аккуратные двух- и трёхэтажные домики из тёплого терракотового кирпича и светлой штукатурки. Их нижние этажи кипели тихой, уютной жизнью: за витринами с коваными карнизами манили ароматом корицы и свежемолотых зёрен крошечные кофейни, в цветочных лавках благоухали нежные бутоны, а стеклянные двери винтажных мастерских тихо позвякивали латунными колокольчиками. Здесь царило редкое чувство покоя и размерности.

На обратном пути моё внимание привлёк книжный магазин прямо напротив моего дома — его витрины я видела из моего окна. Внутри царил очаровательный, почти осязаемый уют: пространство оказалось тесноватым, заставленным стеллажами до самого потолка и пропитанным дурманящим ароматом типографской краски, древесного клея и свежей бумаги. Из спрятанных колонок мягко струилась тихая музыка, и, кроме меня, среди полок не было ни души. Я прошла в раздел художественной литературы и, немного поколебавшись, выбрала одну книгу — решила, что она мне точно нужна. В родном городе я почти не читала, вечно занятая заказами, иногда сидя за компьютером целые сутки. Здесь же, надеюсь, я наконец найду время на чтение.

У кассы скучала молодая девушка с короткими волосами цвета индиго. На её шее покоились громоздкие беспроводные наушники, из которых тихо доносился глухой ритм. Заметив меня, она скользнула по мне оценивающим, живым взглядом — будто не ожидала покупателей в этот час — и дружелюбно улыбнулась.

С заветным шуршащим пакетом в руках я пересекла улицу и поднялась к себе, намереваясь сразу же погрузиться в архивные чертежи и схемы, вручённые Софией Александровной.

Едва я скинула светлые кеды в прихожей, тишину квартиры разорвала резкая, настойчивая вибрация телефона. Взглянув на экран, я невольно вытянулась по струнке и торопливо смахнула вызов.

— Алло! Здравствуйте, Леон… — фраза предательски оборвалась на полуслове. Я запнулась, с досадой осознав, что понятия не имею, есть ли у этого человека с иностранным именем отчество и можно ли в обращении к нему обойтись без него.

Моя заминка осталась незамеченной — или же собеседник великодушно сделал вид, что не обратил на неё внимания.

— Здравствуйте, Алиса, — голос Леона звучал густо и мягко, обволакивая низким, бархатистым тембром.

До моего переезда мы уже говорили — коротко, сугубо по делу, решая формальности контракта, — но тогда телефонная связь казалась сухой и плоской. Сейчас же, после визита в его пустующее поместье, этот голос обрёл пугающий объём. Мне не терпелось наконец увидеть человека, владеющего этим каменным готическим шедевром.

— Хотелось бы сегодня с глазу на глаз обсудить детали проекта, — продолжил он с безупречной, выверенной вежливостью. — Прошу простить, что не встретил вас утром лично: возникли срочные дела, не терпевшие отлагательств. Вы будете свободны около семи вечера?

— Да, вполне, — ответила я, стараясь звучать собранно и профессионально.

— В таком случае жду вас в «Паруснике». Это камерный ресторанчик на набережной: там тихо, уютно и никто не помешает нашему разговору.

— Договорились, буду вовремя. До встречи.

— До встречи, Алиса.

Гудки оборвали связь, оставив в воздухе лёгкое напряжение. Попытка сосредоточиться на чертежах на экране ноутбука провалилась: мысли то и дело возвращались к предстоящему вечеру, а стрелки часов двигались с неумолимой быстротой. Пришлось спешно приводить себя в порядок. Спрятав в сумку планшет со стилусом для рабочих пометок, я накинула куртку и выбежала в сгущающиеся сумерки.

К семи часам город переменился. Чем ближе я подходила к набережной, тем отчётливее воздух наполнялся терпким дыханием большой воды: сыростью, горьковатым привкусом речной тины и влажного дерева причалов. Но этот прохладный дух не казался зловещим — его тут же смягчали плывущие из раскрытых окон тёплые ароматы жареных зёрен кофе, пряной корицы и свежего сдобного хлеба.

Здесь царила иная, праздничная жизнь. Старинные фасады радовали глаз палитрой приглушённых красок — охристые, терракотовые, оливковые и брусничные домики теснились плечом к плечу, окончательно стирая грань между реальностью и открыткой с видами прибрежной Европы. Над мостовой покачивались гирлянды янтарных огней, а чугунные фонари заливали плитку мягким золотом, заставляя витрины и мелкие лужицы искриться, словно россыпи янтаря. Атмосфера была настолько кинематографичной и уютной, что внутреннее волнение перед встречей с таинственным господином де Звартом на мгновение отступило.

До самой набережной я так и не дошла: ресторан прятался чуть в глубине квартала, в тихом переулке, вымощенном тёмным камнем. Вывеска «Парусника» светилась неброским тёплым светом, обещая укрытие от сырого вечернего ветра.

Внутри царил мягкий полумрак, разбавленный звоном фарфора и приглушённым гулом негромких бесед за редкими занятыми столиками.

Как выглядит мой заказчик, я не знала, поэтому обратилась к подошедшему официанту, назвав имя господина де Зварта. Тот понимающе кивнул и повёл меня в дальнюю часть зала, к уединённому столику у широкого панорамного окна, за которым спиной ко мне сидел светловолосый мужчина.

Услышав шаги, мужчина обернулся и неторопливо поднялся на ноги. В эту секунду воздух в лёгких словно застыл, а заготовленные слова вежливости мгновенно выветрились из головы.

Он был очень высокий и широкоплечий, нависая над моим средним ростом, как ожившая античная статуя. Мужчине на вид было около тридцать или тридцать пять лет. Густые светлые, почти белые волосы были гладко зачёсаны назад, открывая безупречные, резкие черты лица с точёными скулами и упрямой линией подбородка. Но по-настоящему гипнотизировал его взгляд. Глаза — невероятно светлые, ледяные, прозрачные до такой степени, что напоминали горный хрусталь.

Тёмно-графитовый костюм сидел на нём так безукоризненно, будто был сшит лучшими портными по индивидуальным меркам, превращая его скорее в героя глянцевой фотосессии, чем в рядового заказчика из провинции. От него исходило странное, тяжёлое обаяние — властная уверенность человека, привыкшего подчинять себе пространство одним лишь присутствием.

Мысленно смутившись, я запоздало вспомнила о своём виде: простая чёрная куртка, бесформенный бежевый свитшот и старые джинсы, в которых я привыкла лазить по пыльным архивам и заброшкам.

Очнувшись от первого впечатления, я всё же присела напротив господина де Зварта, стараясь не смотреть на него слишком пристально, чтобы не выглядеть неловко.

Леон с вежливой заботой поинтересовался, не проголодалась ли я — вечер давно перевалил за время ужина. Соврав без зазрения совести, что плотно перекусила перед самым выходом, я ограничилась лишь чашкой черничного чая. Терпеть не могу эти личные встречи с

клиентами тет-а-тет, а превращать серьёзные переговоры в застолье — и вовсе дурной тон, размывающий границы.

Поэтому, выставив чашку как щит, я без лишних прелюдий перешла к делу.

Господин де Зварт оказался идеальным собеседником: на каждый мой дотошный профессиональный вопрос он отвечал на редкость ёмко, безупречно и без заминок. Мы разложили по полочкам ближайшие этапы реставрации и быстро, без споров утвердили первый пакет чертежей. Леон предупредил, что всю рутинную текучку возьмёт на себя София Александровна, но если вдруг возникнет форс-мажор, требующий его личного одобрения — телефонная линия для меня открыта круглосуточно.

Когда все архитектурные головоломки были решены, я жестом подозвала официанта, намереваясь закрыть счёт за свой напиток, но де Зварт мягким, не терпящим возражений движением перехватил инициативу. Спорить под его немигающим взглядом казалось глупо, и я, пересилив укол неловкости, позволила ему расплатиться.

— И всё же, Алиса… Как вам наш сонный уголок? — вдруг сменил он тон на дружеский и непринуждённый.

— Признаться, я очарована, — ответила я совершенно искренне, глядя в окно на тёплые огни города. — Удивительная архитектура, а местная атмосфера и вовсе кружит голову.

— Я слишком долго скитался вдали от этих мест, — в его низком баритоне неожиданно прорезалась глухая, почти осязаемая тоска. — Но, вернувшись, понял: милее места на свете нет.

Я улыбнулась, не зная, что ответить. Леон тем временем подался чуть вперёд. Расстояние между нами сократилось, и по коже пробежал странный электрический холодок.

— Кто знает, — его хрустальные глаза блеснули в полутьме зала с лукавой проницательностью. — Быть может, и вы не найдёте в себе сил уехать, когда всё закончится. Пустите корни среди Сонного леса.

— Сонного? — эхом повторила я, зацепившись за странное слово.

— Так называется лес вокруг города, — тихо пояснил он, и на его губах заиграла загадочная, манящая полуулыбка. — Он словно спит. А город в его кольце — как дитя в колыбели: безмятежный, укрытый от внешнего мира, баюкаемый тишиной.

Он улыбнулся мне открыто, сбивая с толку обезоруживающей теплотой.

В груди что-то оборвалось. Сердце заколотилось о рёбра с такой бешеной силой, словно пыталось выскочить наружу и разбиться о паркет. В голове зазвенела единственная, абсолютно непрофессиональная мысль: господи, до чего же он хорош… Настоящее наваждение во плоти.

Или, может, это просто мой развод и разбитое сердце так реагируют на первого встречного, чья улыбка оказалась чуточку теплее обычного вежливого участия?

Мы проговорили ещё минут пять ни о чём и обо всём сразу. Я поспешила попрощаться и, будто опаздывая на последний поезд, рванула из ресторана со всех ног.

Холодный ночной воздух ударил в лицо. Только сейчас я пришла в себя и решила немного задержаться, прежде чем идти домой.

Я свернула в переулок и почти сразу вышла к реке. Вдоль берега вилась неширокая набережная, залитая мягким янтарным светом чугунных фонарей. Здесь жизнь текла совсем иначе: на лавочках негромко переговаривались запоздалые прохожие, а у самого парапета замерли силуэты рыбаков, молчаливых и неподвижных, словно часть городского пейзажа. Чёрная вода блестела под ночным небом, отражая огни этого атмосферного городка.

Сегодня я нагулялась, получила море впечатлений… и чуть не влюбилась в своего заказчика.

10 ОКТЯБРЯ

Сегодняшний день прошёл продуктивно — и одновременно странно, пугающе, почти мистически.

Утром я собралась на объект. И, что удивительно, запомнила дорогу — хотя страдаю хроническим географическим кретинизмом и редко запоминаю маршрут с первого раза. Возможно, дело в том, что путь оказался почти прямым: несмотря на множество развилок, сворачивать почти не пришлось. Или, может, город сам вёл меня туда, куда нужно.

На территории особняка меня встретила София. Мы обсудили организационные моменты, и я приступила к обмерам.

Сегодня в доме было немного многолюдно: прибыла бригада рабочих, занявшаяся расчисткой комнат от векового хлама и полуистлевшей мебели. Я тщательно сфотографировала и засняла на видео каждое помещение, сделала пометки в планшете. Леон де Зварт был предельно чёток в своих пожеланиях: никакой бездушной модернизации, никакого модного «евроремонта». Только бережное воскрешение подлинника. Стены требовали свежей краски и обоев в строгом соответствии с историческими фактурами, лепнина — ювелирного восстановления, а вот массивный наборный паркет и старинную плитку хозяин велел почти не трогать. Глядя на них в лучах лазерной рулетки, я вновь поразилась: время будто пощадило этот дом, застыв в древесных волокнах и скользящей глазури. В те эпохи определённо строили с расчётом на вечность.

Я провозилась до самой темноты. В это время года сумерки наступают рано, а без нормального освещения моя работа теряет точность. К счастью, к шести часам вечера я почти всё завершила. Остался только чердак — и то лишь для осмотра, без обмеров.

Поднявшись по узкой, скрипучей лестнице, я оказалась в пространстве, будто сошедшем со страниц готического романа.

Это место не походило на пыльную свалку забытого хлама. Под гигантскими стропилами раскинулась замершая во времени сокровищница. Под слоем пыли и брезентом здесь покоились артефакты, которые, вероятно, стоили целое состояние. Из-под приподнятых углов ткани проглядывали тяжелые рамы с потемневшей от времени позолотой, тугой глянец персидских ковров с диковинными плетениями трав и зверей, остовы резных кресел с вытертым лионским бархатом. В открытых деревянных ящиках, переложенный истлевшей соломой, глухо мерцал старинный фарфор; рядом тонул в сумерках массивный напольный глобус, на котором пожелтевшие материки носили названия давно стёртых с карт империй.

Воздух был густым от пыли и запаха времени — древесины, воска, высохшей кожи. Пыль парила в золотистом луче моего фонаря плотным туманом, и стоило свету дрогнуть, как тени на стенах оживали, принимая причудливые, текучие формы.

Моё внимание привлёк один предмет — высокий, укрытый плотной тканью, как и многие другие. От него исходило странное, почти физическое ощущение присутствия. Сделав несколько осторожных шагов по скрипящим половицам, я протянула руку и потянула за край полотна.

Ткань с сухим шорохом соскользнула вниз, взметнув облако пыли.

Передо мной стояло напольное зеркало.

Но не просто зеркало — антикварное произведение искусства. Его рама, вырезанная из тёмного дерева, была покрыта узорами настолько сложными и гармоничными, что казалась живой. Переплетённые стебли терновника сплетались с пышными виноградными лозами, плавно перетекая в изломанные барочные завитки. Присмотревшись ближе, я вздрогнула — среди растительных узоров проступали застывшие лица. Безмолвные гримасы, профили с плотно сомкнутыми губами и пустыми резными глазницами были вырезаны с пугающей, ана-

томической филигранностью. Это была работа мастера, вложившего в неё не только руки, но и душу.

А само зеркало… оно не потемнело, не помутнело, не покрылось паутиной времени, как обычно бывает со старыми зеркалами. Напротив — оно отражало с пугающей чёткостью. Даже в полумраке я увидела своё лицо: бледное, уставшее.

Я наклонилась, чтобы подобрать упавший край ткани, а когда я выпрямилась, в зеркале, за моим плечом, стояла фигура.

На мгновение — я забыла, как дышать.

Всё по классике жанра знаменитых фильмов ужасов: женщина в длинном саване белого платья, тёмные смоляные пряди, рассыпанные по плечам, и силуэт — далёкий, размытый, но неотразимо реальный. Лица не разобрать — лишь бледное овальное пятно среди вязких чердачных теней. И она смотрела прямо на меня.

Я резко обернулась — за спиной никого не было. Только пыль и мертвая, звенящая тишина, в которой кровь глухими толчками била по вискам. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

Я снова посмотрела в зеркало — отражение было пустым. Только я, перепуганная до полусмерти, с побелевшими пальцами, вцепившимися в край холщовой ткани.

«Галлюцинация, — прошептала я себе. — Перенапряжение. Не ела весь день, надышалась пылью, слишком долго в замкнутом пространстве…»

Всё это — отголоски фильмов ужасов, которые я когда-то смотрела. Мозг просто подсунул готовый образ: старинный дом, тёмный чердак, белое платье. Хотя сейчас было всего шесть вечера, а не полночь.

Тем не менее, я быстро накинула ткань обратно на зеркало, прошептала в тишину отборный, но весьма уместный мат и бросилась к лестнице. Спускалась почти бегом, с каждым шагом ожидая холодного прикосновения к затылку.

На первом этаже меня ждали София Александровна и… Леон де Зварт.

Они о чём-то негромко переговаривались в полумраке холла, но стоило моим кедам глухо стукнуть о последнюю ступеньку, как беседа мгновенно оборвалась. Натянув дежурную деловую маску поверх всё ещё лихорадочно колотящегося пульса, я бодро отчиталась о замерах: сообщила, что первичный осмотр завершён, а завтрашний день я целиком посвящу оцифровке данных дома — загоню параметры в программу и сяду за черновые расчёты.

Когда мы вышли на крыльцо, промозглый вечерний воздух приятно остудил натянутые нервы. София кивнула, тепло попрощалась и быстро скрылась в салоне своего авто и уехала, оставив нас вдвоём под дрожащим, подслеповатым кругом старого фонаря.

На мгновение повисла тишина. Леон повернулся ко мне. Его пронзительный, немигающий взгляд будто просвечивал насквозь.

— И каково ваше впечатление от дома? — негромко спросил он, сбивая деловой ритм разговора. — Я имею в виду, не как технического специалиста. Какова оценка вас как творца?

Я помедлила, подбирая формулировки, но нужные слова пришли сами:

— Как творец… я в неописуемом восторге от того, что мне посчастливилось прикоснуться и поработать с таким шедевром архитектуры. И я искренне благодарна за то, что вы доверили именно мне возрождать былое величие этого места.

Леон промолчал, лишь слегка отвёл взгляд в сторону дома, спрятанного за заросшей аллеей. А на его губах промелькнула тёплая улыбка человека, дом которого только что похвалили.

От его улыбки к моим щекам предательски прилила горячая волна. Я торопливо втянула голову в плечи и глубже зарылась подбородком в ворот куртки, надеясь скрыть внезапное смущение.

Леон перехватил это движение, но истолковал его по-своему, списав на промозглую сырость и холод осеннего вечера.

— Не стану больше держать вас на сквозняке. Прячьтесь в машину, пока не продрогли насквозь. Больничный лист я, конечно, оплачу без лишних вопросов, но здоровые специалисты на объекте мне куда полезнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.